

УДК 81' 37 : 811.112.2

ББК 81.032

К 21

Каратаева Л.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: karataeva53@mail.ru

**Ответственность как отличительный компонент концепта
«война» в немецкой языковой картине мира
(на материале произведений В.Борхерта)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Предлагается новое понимание концепта «война», занимающего особое место в немецкой культуре, через его отражение в творческом наследии Вольфганга Борхерта, оставившего значительный след в классической немецкой литературе. В исследовании выявлена национально-специфическая составляющая концепта «война» – оценочный компонент «ответственность». Исследуемый интерпретационный компонент представлен как доминирующий в иерархии концепта «война» в немецкой лингвокультуре. Показана его контрастирующая роль в сравнении с традиционным описанием в русской и английской лингвокультурах, где главными понятийными универсалиями являются «военный конфликт», «боевые действия», «смерть», «страдание». Описана структура компонента «ответственность». Представлен анализ лексических единиц, эксплицирующих смысловое пространство компонента: *vina* (*Nomina agentis*/имена агенса/действующего лица, искупление вины). Установлено, что обозначения действующего лица составляют самую репрезентативную группу слов, образуя центральное звено в представленном трехкомпонентном ряду. Показано значение уникального языкового материала в литературных произведениях В.Борхерта, позволяющего выявить новые смыслы в базовом национальном концепте «война» в немецкой лингвокультуре.

Ключевые слова:

Культурный концепт, концепт «война», ментальное образование, немецкая лингвокультура, национально-специфическая составляющая, оценочно-интерпретационный компонент концепта «ответственность».

Karataeva L.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of the German Philology Department of the Adyghe State University, e-mail: karataeva53@mail.ru

**Responsibility as a distinctive component of a concept «war»
in the German language picture of the world
(based on material of works of W. Borchert)**

Abstract:

This paper proposes the new understanding of the concept «war» taking a special place in the German culture, through its reflection in a creative heritage of Wolfgang Borchert who

has left a considerable trace in classical German literature. The research shows the national specific component of a concept «war», namely: the estimated component “responsibility”. The studied interpretative component is presented as dominating in hierarchy of a concept «war» in the German lingual culture. Its contrasting role is shown in comparison with the traditional description of a concept «war» in the Russian and English lingual cultures where the main conceptual universals are «the military conflict», «military operations», “death» and «suffering». The structure of the component “responsibility” is described. An analysis is presented of lexical units, explicating semantic space of component “guilt”, Nominaagentis/ names of agent/character, and atonement of fault. It is established that designations of a character make the most representative group of words, forming the central link in the presented three-component row. The paper shows the significance of unique language material in literary works of W. Borchert which allow us to find out new meanings in a basic national concept «war» in the German lingual culture.

Keywords:

Cultural concept, concept «war», mental education, German lingual culture, national specific component, estimated and interpretative component of concept «responsibility».

Проблема определения концепта «война» в современной теории языка вызывает повышенный интерес в связи с неоднозначностью его дефиниции и непреходящей значимостью, поскольку тема войны, как тема жизни и смерти, бытия и небытия, всегда занимала важное место в сознании человека. И сегодня она сохраняет свое актуальное звучание.

Согласно определению Е.С. Кубряковой – «концепт – культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму; единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1: 9]. Будучи сложным ментальным образованием, концепт «война» неизменно ассоциируется с такими понятийными универсалиями, как военный конфликт, боевые действия, смерть, гибель, горе, страдания, лишения военных лет, особые нравственно-этические межличностные отношения.

Национальное своеобразие концепта объективируется в специфических образных, понятийных и ценностных характеристиках и, как отмечает Венедиктова Л.Н., в своеобразном компонентном выражении и сочетании с другими, близ-

кими по значению характеристиками [2: 3]. Так, в сознании русских, переживших целую череду освободительных войн и самую разрушительную из них - Великую Отечественную войну, она неизбежно связана с понятиями Родины и подвига ее защитника на фронте и в тылу, а в сознании англичан, наших союзников во Второй мировой войне, «война в самом прямом смысле означает столкновение, борьбу, военные действия. Реже встречаются такие ассоциации, как спор, разногласие. Практически не встречается – кровопролитие, сопротивление. Совсем отсутствуют такие ассоциации, как разрушение, страдания, защита родной земли и др.» [3].

Особое место концепт «война» занимает в немецкоязычной культуре. Как содержательный минимум он формирует текстовое пространство многих литературных произведений. В своей статье «Концепт «война» в немецкой и русской лингвокультурах» Е.А. Коржнева отмечает, что «Война в литературе Германии предстает как общественно-политический феномен, играющий исключительно важную роль в человеческой культуре, который переживается и осмысливается всей нацией и который предопределил творческий путь многих немецких писателей по-

слевоенных лет» [4: 84]. В основе концепта в художественной литературе лежит индивидуальное сознание создателя произведения. «Понятие концепт в литературе, – подчеркивают Т.Б. Самарская и Е.Г. Мартиросян, – чаще всего относится к индивидуальному сознанию автора произведения, включает в себе его индивидуальное восприятие вещей и явлений окружающего мира» [5: 72].

Концепт «война» находит своё полное отражение в произведениях многих известных немецких авторов (Э.М.Ремарка, Г.Бёлля, Г.Грасса и других), где война – это и смерть, и голод, и солдатский быт, и тюрьма, и вера, и холод, и жестокость, и сострадание, и одиночество, и разрушения.

Классик немецкой краткой прозы Вольфганг Борхерт умер очень молодым, в 26 лет, последние два года он писал «наперегонки со смертью» [6: 139]. Его произведения, обладая актуальной проблематикой и безусловной значимостью в истории мировой литературы, представляют уникальный языковой материал для исследования по данной теме.

Идиоконцепт «война» В.Борхерта содержит все три базовых структурных компонента концепта – образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Ядерный компонент концепта «война» – боевые действия, дихотомический компонент – жизнь и смерть, компонент – лишения военных лет в быту, дуальные нравственно-этические составляющие (вера/безверие; жестокость/сострадание) вербализуют лексические единицы в своем прямом, метафорическом, гиперболлизованном значении. Нередко отказываясь от детального, реалистичного описания боевых действий, он показывает войну как преступление, где жизнь приравнивается к нулю. Борхерт остро ощущает ответственность, взывает к совести всех людей, Компонент – участники войны, виновные и безвинные, растворяется в оценочном, именуемом компонентом «ответственность». Именно этот

компонент, будучи доминантным, составляет уникальность немецкого лингвоконцепта «война», ярчайшим выразителем которого является В.Борхерт, ибо Вторая мировая война была для немецкого народа не просто бедой – до настоящего времени немцы испытывают острое чувство вины за развязанную войну и трагедию миллионов.

Интерпретационное поле компонента «ответственность» формируется под воздействием когнитивных признаков, «которые в том или ином аспекте интерпретируют основное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [7: 82].

Данный компонент в произведениях Борхерта многогранен. В первую очередь это яркая, образная демонстрация вины за развязанную войну, за чьи-либо смерти, за страдание детей и женщин, за потерю, утрату самоидентификации, за смерть при жизни.

Борхерт демонстрирует чувство вины и отчаяния, когда человек не в силах ничего изменить, воплощая его в своих героях в драме «Draussen vor der Tür» («За дверью»).

Ein Mensch stirbt. Und? Nichts weiter. «Помер человек. И что? И ничего» [8: 95].

Und warum weinst du? Weil ich es nicht ändern kann. Sie erschießen sich. Sie hängen sich auf. Sie ersaufen sich. Sie ermorden sich, heute hundert, morgen hunderttausend. Und ich, ich kann es nicht ändern. «Ну и чего ты плачешь? Потому что не могу это изменить. Они стреляют. Вешаются. Топятся. Они себя убивают: сегодня сотнями, завтра – сотнями тысяч. И Я, Я не могу это изменить» [8: 99].

В рассказе «Kegelbahn» («Кегельбан») Борхерт изображает в яркой, метафорической форме поле боя и механизм уничтожения ни в чём не повинных людей, тотальное обесценивание человеческой жизни. Немецкий солдат, задачей

которого является истребление как можно большего количества противника, не устаёт повторять: *Dashatteinerbefohlen!* «Но кто-то же это приказал!», и он вынужден это делать, следуя приказу, иначе будет убит сам:

Meistens kannte man die Menschen gar nicht. Und sie hatten einem nichts getan. Aber man musste mit dem Gewehr auf sie schießen. Das hatte einer befohlen. Und damit man recht viele von ihnen erschießen konnte, hatte einer erfunden, dass das Gewehr mehr als sechzigmal in der Minute, schoss. Dafür war er belohnt worden. «Люди обычно были незнакомые. И ничего плохого тебе не делали. Но в них надо было стрелять из пулемета. Кто-то отдал такой приказ. А для того, чтобы побольше их перестрелять, кто-то изобрел пулемет, стреляющий более шестидесяти раз в минуту. За это изобретателю дали награду» [8: 49].

Автор рисует чудовищную метафорическую картину кегельбана из голов убитых: *Allmählich hatten die beiden Männer so viele Köpfe kaputt gemacht, dass man einen großen Berg daraus machen konnte. Und wenn die beiden Männer schliefen, fingen die Köpfe an zu rollen. Wie auf einer Kegelbahn. Mit leisem Donner.* «Мало-помалу оба мужчины сшибли столько голов, что из них можно было сделать большую гору. А когда они оба спали, головы начинали кататься. Как на кегельбане. С глухим грохотом» [8: 49].

Вина заключается в предательстве юного поколения поколением отцов и дедов, в прямом обмане или сокрытии правды:

Эта тема наиболее отчётливо проявляется в пьесе «Draußen vor der Tür» («За дверь»). Его герой Бекман — *einer von denen* «один из тех», говорит о себе во множественном числе и обвиняет поколение отцов, отправивших на войну собственных сыновей, в предательстве:

Und jetzt sitzen sie hinter ihren Türen. Herr Studienrat, Herr Direktor, Herr Gerichtsrat, Herr Oberarzt. Und wir stehen

draußen. Und von ihren Kathedern und von ihren Sesseln zeigen sie mit dem Finger auf uns. So haben sie uns verraten «А теперь сидят за закрытыми дверями. Господин учитель, господин директор, господин советник юстиции, господин главный врач. Мы стоим на улице, а они со своих кафедр, из своих кресел пальцами показывают на нас» [8: 133].

Sie haben uns verraten. So furchtbar verraten. Wie wir noch ganz klein waren, da haben sie Krieg gemacht. Und als wir größer waren, da haben sie vom Krieg erzählt. Begeistert. Immer waren sie begeistert. Und als wir dann noch größer waren, da haben sie sich auch für uns einen Krieg ausgedacht. Und da haben sie uns dann hingeschickt. Und sie waren begeistert. Immer waren sie begeistert. Und keiner hat uns gesagt, wo wir hingehen. Keiner hat uns gesagt, ihr geht in die Hölle. O nein, keiner «Они нас предали. Ужасно предали. Когда мы были еще совсем детьми, они затеяли войну. Когда мы немного подросли, они нам рассказывали о войне. С восторгом. Они вечно пребывали в восторженном состоянии. А когда мы еще подросли, они и для нас придумали войну. И нас на нее послали. И были в восторге. Вечно в восторге. И никто не сказал нам, куда мы идем. Никто не сказал: вы идете в преисподнюю. Никто» [8: 135].

Незаменимым средством, молчаливым оружием, благодаря которому творилось преступление войны, явилось сокрытие правды. Правду тоже можно убить, или зарезать:

Wer will denn heute etwas von der Wahrheit wissen? «Кому сейчас интересна правда?» [8: 129].

Die Straße stinkt nach Blut. Hier haben sie die Wahrheit massakriert. «Оттуда несет кровью. На улице сейчас зарезали правду» [8: 154].

Ответственность за это чудовищное предательство усиливает равнодушие тех, кто развязал эту войну:

So haben sie uns verraten. So furchtbar verraten. Und jetzt gehen sie an ihrem Mord

vorbei, einfach vorbei. Sie gehn an ihrem Mord vorbei. «Вот как нас предали. Чудо-вишно предали. Теперь они пройдут мимо наших трупов, просто пройдут мимо. Пройдут мимо убийства, которое совершили» [8: 132].

И как бы представители молодого поколения не обвиняли своих отцов в предательстве, от чувства вины они избавиться не могут, ибо они – исполнители их безумного замысла:

Ja! Ich bringe ihm die Verantwortung zurück. Ich gebe ihm die Toten zurück. Ihm! «Да! Отдам ему Ответственность. И мертвых ему отдам. Ему!» [8: 111].

Und dann kann ich nicht wieder einschlafen, weil ich doch die Verantwortung hatte. Ich hatte doch die Verantwortung. Ja, ich hatte die Verantwortung. «И после я не могу заснуть, потому что ответственность – то на мне. Да, ответственность на мне» [8: 121].

Борхерт – обнаженный нерв и совесть – не оставляет попыток найти действующее лицо, несущее ответственность за содеянное.

Именно эта группа лексических единиц - Nomina agentis/имена агенса – представлена необычайно широко в его произведениях или действующего лица.

Во многих произведениях Борхерт не дает имени своим литературным героям. Действующие лица его произведений обозначены личными местоимениями – *er, sie, wir, sie*, соответственно *он, она, мы, они*, либо местоимениями неопределенно-личными – *jemand, einer-кто-то, некто, один*. Образ человека, несущего ответственность обобщен, личность его скрыта. Ответственность несет **некто**, создавший ружье, и **некто**, приказывающий стрелять. Но он этой ответственности не ощущает.

Однако ответственность может взять на себя всякий высоконравственный человек. Не тот солдат в рассказе «Кегельбан», который возлагает всю ответственность на отдавшего приказ или создавшего пулемет, а другой, который шепотом

кричит, испытывая боль за то, что отнимает жизнь у тех, кого не знает, но кто такой же человек, как и он.

Это может сделать простой человек. Как сделал это прохожий, несущий корм для своих кроликов, остановившись перед детским горем и недетской ответственностью за преступление взрослых, мальчиком, что охранял в разрушенном бомбой доме вечный сон своего погибшего брата от крыс, выходящих по ночам. Ответственность мужчины, не наделенного автором именем, реализуется в святой лжи – *Nachts schlafen die Ratten doch* «Ведь ночью крысы спят».

В рассказе «*Das Brot*» («Хлеб») ответственность берет на себя женщина, предлагающая мужу, не выдерживающему испытание голодом, ложь во спасение и свой кусок хлеба из карточного военного рациона. И она не имеет в рассказе имени. Два главных действующих лица представлены личными местоимениями *sie/она* и *er/он*, имеющими генерализованное значение.

В своем последнем произведении «*Dann gibt es nur eins!*» («Тогда остается только одно!»), написанном им в Базеле за несколько дней до смерти, Борхерт демонстрирует причастность *каждого* к военному преступлению, называя людей разных профессий и завершая градацию обращением к собирательному образу мужчины и женщины-матери всех континентов: *Mann an der Maschine und Mann in der Werkstatt* «Работающий на станке и работающий в мастерской», *Mädchen hinterm Ladentisch und Mädchen im Büro* «Девушка за прилавком и девушка в бюро», *Besitzer der Fabrik* «Владелец фабрики», *Forscher im Laboratorium* «Учёный в лаборатории», *Dichter in deiner Stube* «Поэт в своей избе», *Arzt am Krankenbett* «Врач в госпитале», *Pfarrer auf der Kanzel* «Приходской священник», *Kapitän auf dem Dampfer* «Капитан парохода», *Pilot auf dem Flugfeld* «Пилот на аэродроме», *Schneider auf deinem Brett* «Портной за своим верстаком»,

Richter im Talar «Судья в мантии», *Mann auf dem Bahnhof* «Служащий вокзала», *Mann auf dem Dorf und Mann in der Stadt* «Крестьянин и горожанин», *Mütter in allen Erdteilen*, *Mütter in der Welt* «мать на всех континентах, мать во всём мире» [9: 397-398]-. все они могут предотвратить войну, все могут сделать всё, чтобы её не было.

И, наконец, ответственность для Борхерта – это действие. Обращаясь к каждому, автор призывает прекратить всякую деятельность, которая может служить даже косвенно преступлению войны: *Sag NEIN!* «Скажи НЕТ!». В одном, но очень ёмком и значимом предложении Борхерт показывает, какие последствия ждут людей, если кто-то не скажет «Нет», показывает, что это приведёт к масштабной катастрофе.

Безусловным, необходимым условием предотвращения повтора военного

преступления у Борхерта выступает призыв к незабвению, отказу от равнодушия:

Das mußt du nicht, Beckmann, Morde darf man nicht vergessen, das tun die Schlechten. «Не надо было, Бэкманн, нельзя забывать убийство, так не поступают» [8: 136].

Таким образом, если «основной задачей исследования литературного произведения должно стать выявление смысловых концептов текстового материала, соотнесение их с концептосферой всего произведения и культурой нации, а также с мировоззренческой картиной мира автора» [5: 3], то творческое наследие Вольфганга Борхерта по праву можно рассматривать как уникальный языковой материал, репрезентирующий концепт «война» и его доминантный оценочный компонент «ответственность».

Примечания:

1. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира. // Филология и культура. Материалы 2-ой международной конференции. Часть 3. - Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 1999. - С. 6-13.
2. Венедиктова Л.Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореферат дисс. ... канд. филол. наук /Л.Н.Венедиктова; Челябинский гос. ун-т – Тюмень, 2004. – 19 с.
3. Шмидт Н.С. Концепт «война» в английской языковой картине мира [Электронный ресурс] –www.greencross.by/.../435-kontsept-vona-v-anglisko-yazykovo-kartine-...
4. Коржнева Е.А. Концепт «война» в немецкой и русской лингвокультурах.// Мир науки, культуры, образования. № 6 (37) 2012. - с.83-85
5. Самарская Т.Б., Мартиросян Е.Г. Концепт и концептосфера в литературном произведении: соотношение понятий//Вестник Адыгейского государственного университета, Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2014. Вып. 3(145). С.71-74.
6. Böll H. [Nachwort] // Borchert W. Draußen vor der Tür und ausgewählte Erzählungen. — Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1957. — S. 139.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии. - Воронеж: Издательство ВГУ, 2002. 314. с.
8. Борхерт В. Избранное. — М.: Худож. лит., 2004. — 302 с.
9. Borchert W. Das Gesamtwerk mit einem biographischen Nachwort von Bernhard Meyer-Marwitz.—Halle (Saale):Mitteldeutscher Verlag, 1957. — 440 S.

References:

1. Kubryakova E.S. Linguistic consciousness and linguistic picture of the world // Philology and culture: materials of the Second international conf. Part 3. Tambov: Tambov Un-ty

- publishing house, 1999. P. 6-13.
2. Venediktova L.N. The concept of «war» in the linguistic picture of the world (comparative research based on the English and Russian languages): Diss. abstract for the Cand. of Philology degree. Tyumen, 2004. 19 pp.
 3. Schmidt N.S. The concept of «war» in the English linguistic picture of the world. URL: www.greencross.by/.../435-kontsept-vona-v-anglisko-yazykovo-kartine
 4. Korzhneva E.A. The concept of «war» in the German and Russian linguistic cultures // The world of science, culture and education. 2012. No. 6 (37). P. 83-85.
 5. Samarskaya T.B., Martirosyan E.G. A concept and a concept sphere in a literary work: correlation of concepts // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2014. Iss. 3 (145). P. 71-74.
 6. Böll H. [Nachwort] // Borchert W. Draußen vor der Tür und ausgewählte Erzählungen. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1957. S. 139.
 7. Popova Z.D., Sternin I.A. Language and national consciousness: problems of theory and methodology. Voronezh: VSU publishing house, 2002. 314 pp.
 8. Borchert W. Selected works. M.: Khudozh. lit., 2004. 302 pp.
 9. Borchert W. Das Gesamtwerk mit einem biographischen Nachwort von Bernhard Meyer-Marwitz. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1957. 440 S.